

ПОСЛЕДНЯЯ СТАНЦИЯ ДОЖДЯ

ИИ

Борис Ледовей

Борис Ледовой

Последняя станция дождя

«Автор»

2026

Ледовой Б.

Последняя станция дождя / Б. Ледовой — «Автор», 2026

В городе Леи дождь приходит по подписке. Верхние улицы блестят под оплачиваемыми ливнями, пока Нижний квартал задыхается в пыли. Но что случится, когда осадки отменят? И кто решит, кому достанется вода? Лея отправляется к последней станции дождя — туда, где истории жителей меняют привычную картину. Ей предстоит отделить факты от слухов, найти забытые ресурсы, попросить о помощи и отказаться от выгоды, которая спасает сегодня, но отнимает завтра. Здесь надежда — не чудо, а доверие, ясные правила и действия, которые люди готовы повторять вместе. Климатическая фантастика о неравенстве и выборе — для тех, кто ищет не готовые ответы, а путь от тревоги к действию. Эта история напоминает: перемены начинаются, когда мы замечаем несправедливость и готовы отвечать за решения сообща. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Ледовой Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Город, где дождь приходит по подписке	6
Привычка не замечать засуху	10
Уведомление о прекращении осадков	14
Нижний квартал без облаков	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Ледовей

Последняя станция дождя

Последняя станция дождя

Борис Ледовей

Город, где дождь приходит по подписке

Лея проверила семейную подписку, пока за окном включался дождь.

На стекле вспыхнуло зелёное подтверждение: «Тариф “Утренний сад”. Оплата получена. Начало осадков через десять секунд». Она нажала кнопку «Принять» — будто дождь мог передумать без её согласия, — и подняла глаза.

Верхние улицы блестели под прозрачными куполами. Их стеклянные арки отражали облака, которых в небе не было, и первые струи уже скользили по поверхности, собираясь в ровные ручьи. Ниже, за изгибом эстакады, тянулись дома Нижнего квартала. Там сухая мостовая была покрыта белёсой пылью. Ветер гонял её вдоль бордюров, и пыль поднималась к куполам, словно город снизу пытался напомнить о себе.

Капли ударили по подоконнику.

Сначала тихо, почти ласково. Потом гуще. Распределительная башня у площади издала глубокий гул, от которого дрогнули чашки в кухонном шкафу. За окном на брусчатку опустилась искусственная туча. Не настоящая, конечно: башня забрала воду из очистительных резервуаров, охладила её, распылила на нужной высоте и направила сюда по расписанию. Настоящие облака давно перестали считаться надёжными поставщиками.

На кухонном экране появилась новая строка: «Прогнозируемый объём осадков: восемнадцать миллиметров. Продолжительность: двадцать минут. Дополнительная вода доступна в тарифе “Полный сезон”».

— Восемнадцать миллиметров, — сказала Лея.

Её муж ещё спал. Он называл дождь «бесплатным шумом», если его включали по семейному тарифу, и «непредвиденным расходом», если приходилось продлевать подписку. Лея не спорила. Она сама много лет привыкала к этому языку: осадки, лимит, зона обслуживания, пропуск платежа. Слова не пахли землёй и не пачкали обувь.

За окном через узкий водоотводный канал начинался соседний двор. На стене дома напротив висели выцветшие детские рисунки, а у калитки росла старая яблоня, давно переставшая плодоносить. Её ветви тянулись над границей дождевой зоны. На верхних листьях уже сверкали капли. Нижние, нависавшие над соседским двором, оставались сухими.

Лея наклонилась ближе к стеклу. Дождь не просто редел. Он обрывался. Вода падала по эту сторону канала и не падала по ту. Сухая земля во дворе соседей подняла маленькое пылевое облачко, когда порыв ветра шевельнул пустую жестяную банку.

На крыльцо вышла Ирина, соседка из дома за каналом. Она держала на руках мальчика лет пяти. Ребёнок вытянул ладонь за калитку, поймал несколько капель, потом спрятал руку под рукав, будто дождь мог его обжечь.

Лея открыла окно.

— У вас не включили полив? — крикнула она, хотя слово «полив» здесь давно означало другое.

Ирина подняла голову.

— Подписка закончилась вчера. Я забыла продлить.

— Но дождь идёт.

— У вас идёт, — ответила Ирина и улыбнулась так, словно объясняла ребёнку простое правило игры. — У нас сегодня сухой день. Завтра, если хватит баллов.

Мальчик показал Лее мокрые пальцы. На его ладони лежали три капли.

— Смотри, — сказала Ирина ему. — Всё-таки поймал.

Она скрылась во дворе. Лея осталась у открытого окна, слушая, как оплаченная вода барабанит по крыше. Восемнадцать миллиметров. Она вдруг подумала, что не знает, сколько миллиметров нужно яблоне, чтобы однажды снова дать плод.

В архив Лея пришла, когда дождь уже закончился. На верхних улицах вода стекала в решётки, откуда её отправляли на очистку и повторное распределение. Воздух пах мокрым камнем и озоном. За эстакадой пыль снова поднималась с мостовой. Она успела высохнуть быстрее, чем Лея дошла до остановки.

Городской архив занимал бывший вокзал. Над входом сохранили старую надпись, хотя поезда перестали ходить задолго до рождения Леи. Теперь под расписанием отправок размещались объявления о погоде: «Плановое увлажнение сектора С начинается в 06:40», «Семейный тариф можно продлить без комиссии до полуночи», «Экономьте воду: не открывайте окна во время осадков».

Лея работала с городскими картами. Старые, бумажные, лежали в климатическом зале под защитным стеклом. Новые хранились в базе: линии районов, схемы водопроводов, журналы башен, данные датчиков. Её обязанность состояла в том, чтобы сохранять документы и отвечать на запросы. Не задавать картам вопросы, на которые никто не просил ответить.

— Сегодня опять включали дождь раньше расписания? — спросил у стойки архивист Рен, снимая мокрый плащ.

— Вовремя, — сказала Лея. — В шесть сорок.

— Тогда жаловаться некому. У нас дождь точнее автобусов.

Он улыбнулся собственному замечанию и пошёл к лифту. Лея посмотрела на его плащ. Тот был мокрый только с одной стороны: Рен вышел из дома на границе сектора, где осадки начинались у подъезда и заканчивались у парковки. Все считали такие мелочи неудобством, а не сообщением.

За рабочим столом Лея открыла утренний журнал распределительной башни. Обычно она делала это, если поступала жалоба или требовалось проверить архивную запись. Сегодня никаких запросов не было. Она сказала себе, что просто сверит время подачи воды: в прошлый четверг система ошиблась на две минуты, и архив сохранил неверную отметку.

Журнал показал: башня номер семь начала распыление в 06:40:00. Зона обслуживания — Верхний склон, восточная часть. Длительность — двадцать минут. Основание — подтверждённые семейные подписки и муниципальные контракты. Внизу страницы стоял аккуратный значок капли.

Лея вывела карту осадков. На ней город был раскрашен мягкими синими оттенками: чем темнее участок, тем больше воды ему полагалось. Карта выглядела почти утешительно, как рисунок моря. Потом она открыла карту районов — серую, с чёткими линиями улиц и названиями кварталов.

Утреннее наблюдение вернулось не воспоминанием, а точностью: ветви яблони, канал, сухая земля, три капли на детской ладони.

Она наложила карты друг на друга.

Сначала совпали улицы. Потом контуры зданий. Затем Лея увеличила изображение, пока не стала различать узкий водоотводный канал за своим домом. Голубая зона остановилась на его верхнем краю. За линией начинался Нижний квартал.

Лея отодвинула карту, затем вернула её на место, словно правильное положение могло изменить результат.

Граница платного дождя проходила ровно по краю Нижнего квартала.

Не по уклону земли, не по высоте труб и не по естественной впадине, куда могла бы стекать вода. Прямая линия пересекала небольшие дворы, обходила несколько домов, огибала водонапорную башню и заканчивалась там, где начинался район. На карте это выглядело чисто и логично. На улице граница разрезала яблоню пополам.

Лея увеличила слой датчиков осадков. Вверху значились показатели, полученные с башни и с крыш подписчиков. Внизу, в Нижнем квартале, датчики молчали. Не потому, что

сломались. В документах значилось: «Отсутствие оборудования в зоне без регулярного обслуживания».

Она перечитала строку. «Без регулярного обслуживания» означало, что район не получал достаточно воды, чтобы фиксировать её получение. А отсутствие измерений подтверждало, что поставка не требуется. Получался удобный круг, гладкий, как край капли на стекле.

К обеду дождь из окна архивного зала казался далёким. В городе снова поднялась пыль. На соседнем столе архивистка Сона просматривала старые договоры и тихо насвистывала.

— Ты знаешь, почему Нижний квартал не входит в утреннюю зону? — спросила Лея.

Сона сняла очки.

— Там меньше оплаченных подписок.

— Значит, дождь распределяют по подпискам.

— Ну да. Так система и работает.

— Но ведь подписки покупают на осадки, а не на облака.

— Лея, — Сона осторожно закрыла папку, — я не говорю, что это справедливо. Я говорю, что так устроена таблица. Если каждый раз спорить с таблицей, в архиве не останется времени на архив.

Это было сказано без злости. Скорее устало, как говорят о трещине в стене, которую видят каждый день и уже не замечают.

— А если таблица просто показывает, кому разрешили промокнуть? — спросила Лея.

Сона помолчала.

— Тогда, наверное, надо сначала проверить, что именно она показывает.

Эта фраза зацепилась за Леины мысли. Не исправить. Не обличить. Не броситься менять систему, пока не знаешь, где она начинается и что считает нормой. Сначала проверить. Назвать то, что видишь, точными словами.

Лея открыла пустой документ и написала: «Несоответствие между зоной оплачиваемых осадков и границей жилого района».

Она перечитала. Слишком нейтрально, почти безобидно. Будто речь шла о цвете дорожной разметки.

Она стёрла строку.

Потом написала: «Утренний дождь поступает в Верхний склон и прекращается на границе Нижнего квартала. Жители по разные стороны канала находятся под одной крышей облака, но не получают одинакового доступа к воде».

На этот раз она оставила текст.

Следующим пунктом записала время работы башни, код зоны, объём осадков. Отдельно внесла показания ближайших датчиков и отметила отсутствие приборов в Нижнем квартале. В соседней колонке указала адрес Ирины — не как доказательство, сказала себе Лея, а как место для проверки. Потом нашла городскую схему распределения воды и обнаружила, что карта осадков обновлялась по тарифным данным. Не по потребности растений, не по температуре почвы, даже не по числу жителей. По оплате.

На экране возникло уведомление: «Продлите тариф “Утренний сад” заранее, чтобы сохранить приоритетную подачу». Лея закрыла его. Впервые за долгое время ей показалось странным, что город просит продлевать право на дождь так же буднично, как продлевают доступ к музыке или библиотеке.

Она сохранила документы в отдельную папку и назвала её «Проверка осадков». Потом достала из ящика бумажный блокнот. Экран мог исчезнуть вместе с паролем или обновлением системы; бумага, как знали архивисты, умела переживать чужие решения.

За окном Нижний квартал лежал в жарком мареве. Вдали мерцали чистые купола. Лея вспомнила Ирину у калитки и мальчика, который ловил дождь пальцами, будто тот был редкой птицей.

Надо было увидеть район не на карте. Проверить, куда стекает вода, где стоят старые цистерны, какие деревья ещё живы и что люди называют обычным днём. Не искать виноватого заранее. Не делать вид, что линия на экране сама собой стала границей. Просто пройти её ногами и посмотреть.

Лея положила блокнот в сумку. Потом ещё раз открыла наложенные карты и сохранила изображение. Синяя зона обрывалась ровно там, где начинались улицы Нижнего квартала. Теперь она знала, как назвать то, что раньше принимала за погоду.

Вечером, когда в доме снова предложили продлить семейную подписку, Лея не нажала ни «Да», ни «Напомнить позже». Она взяла пальто и направилась к нижнему выходу из архива. За воротами город шумел сухой мостовой, а башни готовились к следующему расписанию.

Завтра она пойдёт в Нижний квартал. Не за ответом, решила Лея. Пока только за тем, чтобы увидеть вопрос целиком.

Привычка не замечать засуху

У нижнего выхода архива воздух сразу стал другим. Не холоднее и не теплее — гуще, словно в нём растворили мелкую муку. Лея вдохнула и почувствовала, как сухость цепляется за нёбо. На лестнице к Нижнему кварталу она достала блокнот, но пока не стала писать. Сначала посмотрела.

Верхние улицы оставались за спиной: светлые фасады, чистые желоба, синие линии на городских картах. Здесь дома теснились друг к другу, закрывая небо. Между ними тянулись кабели, трубы и узкие мостки, по которым жители ходили от подъезда к подъезду, когда пыльный ветер поднимал песок с пустых площадок.

У ограды трое детей играли в «острова». Они перепрыгивали трещины в асфальте, стараясь не наступать на тёмные линии. Один мальчик проиграл, фыркнул и сказал:

— Не считается. Это обычный сезон.

— Какой сезон? — спросила Лея.

Дети посмотрели на неё с той осторожностью, с какой смотрят на взрослого, который может оказаться либо полезным, либо скучным.

— Пыльный, — пояснила девочка в красной куртке. — Когда ветер щиплет глаза. Он каждый год.

Мальчик снова прыгнул через трещину. Девочка засмеялась, и игра продолжилась.

Лея записала: «Дети называют пыльный ветер обычным сезоном». Потом задумалась и добавила: «Не знаю, как часто он бывает».

Она добралась до площади, которую старые планы называли сквером. В центре стоял небольшой фонтан: каменная чаша с сухими листьями и серым налётом. Над ней сохранялся бледный полукруг — след прежнего уровня воды. Лея провела пальцем по камню. Пыль легла на кожу ровной полосой, будто город поставил на ней печать.

У фонтана начинался старый водосток. Он спускался по стене дома и обрывался над тротуаром. Под ним асфальт темнел пятном, хотя вокруг всё было сухим. Лея присела. В трещине застряла тонкая зелёная нитка мха.

— Ты всё-таки пришла с картой.

Лея поднялась. Марк стоял у подъезда, прислонившись плечом к стене. Он стал худее, чем она помнила, и носил короткую щетину. На рукаве куртки темнело пятно машинного масла.

— Я пришла к тебе, — сказала она.

— Тогда карта просто совпала с маршрутом.

Он улыбнулся, и Лея обняла его. От куртки пахло металлом, пылью и чем-то тёплым, домашним. Они не виделись почти полгода. Сначала мешали её работа, его смены, потом стало неудобно объяснять, почему так долго не виделись. Сейчас Лея поняла, что слишком часто ждала подходящего дня, как будто встречи тоже выдавали по расписанию.

— Ты давно здесь? — спросил Марк.

— Минут десять.

— И уже нашла фонтан.

— Он не прячется.

— Как и ничего остального.

Он сказал это без упрёка, но Лея всё равно услышала в словах знакомую усталость.

В квартире у Марка стояли две узкие ёмкости для воды, одна возле раковины, другая у двери. На каждой — бумажная полоска с датой наполнения. На полке над мойкой лежали сухие фильтры. Под окном сохранились три горшка. В двух земля растрескалась, в третьем виднелся тонкий стебель.

— Это базилик? — спросила Лея.

— Был.

— А теперь?

— Теперь он учится жить без лишних ожиданий.

Марк поставил чайник. Он налил в него немного воды из бутылки, не из-под крана.

Лея открыла блокнот.

— Можно я задам несколько конкретных вопросов?

— Можно. Если ответишь на один мой: ты собираешься помогать или писать отчёт?

Она закрыла блокнот.

— Пока не знаю. Поэтому и пришла посмотреть. Не искать виноватого заранее.

Марк кивнул, будто это было важнее, чем любой ответ.

Они сели за стол. Лея спросила, сколько воды поступает в квартиру за день. Марк назвал приблизительный объём: питьё, готовка, умывание, всё остальное. По средам, сказал он, давление в трубах падало настолько, что воду приходилось набирать заранее. Последний раз дождь он помнил в начале прошлого месяца, но не был уверен в числе. Дождь, уточнил он, настоящий, не короткий технический сброс с башни.

— А в приложении что показывает? — спросила Лея.

— «Период экономии влаги». Там всё хорошо. Плановая корректировка, устойчивый режим, заботливое распределение.

— Это официальные формулировки?

— Ты же знаешь, у города слова всегда звучат так, будто он предлагает тебе плед.

Марк поставил перед ней чашку. Чай был слабым, с привкусом минералов. Лея сделала глоток и ощутила, как пересохшие губы наконец размягчились.

— Ты не злишься? — спросила она.

— Иногда. Но злость требует сил. А у меня после смены обычно есть выбор: злиться или дойти до дома без остановки. Я выбираю ноги.

Он сказал это легко, почти шутливо. Лея не стала спорить. Она знала: иногда человек выбирает не лучшее, а то, на что хватает сил.

После чая Марк показал ей двор. У входа в подъезд стояла соседка, госпожа Садыкова, и складывала в сумку пустые бутылки. Лея представилась, объяснила, что изучает, как меняется вода в квартале, и спросила, можно ли записать её слова без фамилии.

— Записывайте, — ответила та. — Только не называйте это жалобой. Мы тут не жалуемся. Мы приспосабливаемся.

Она рассказала, что по утрам напор обычно лучше, а в жаркие дни — хуже. Что старый общественный кран закрыли после ремонта, хотя табличку «временно» не сняли уже три года. Что в прошлом месяце во дворе было два коротких сброса, но они не намочили землю: только осели на пыль и исчезли.

— Это называлось «поддерживающим увлажнением», — сказала она. — Так нам объяснили.

— А вы как называете? — спросила Лея.

Садыкова посмотрела на бутылки в сумке.

— Никак. Если назвать правильно, придётся признать, что воды нет. А она ведь бывает. Просто не у всех и не тогда, когда нужна.

В блокноте Лея начертила две колонки: «Что можно проверить» и «Как это называют». В первую записала время падения давления, закрытый кран, два коротких сброса. Во вторую — «период экономии влаги», «поддерживающее увлажнение», «приспосабливаемся».

Она хотела приписать к последнему слову «не жалуемся», но остановилась. Это было не оправдание. Садыкова не пыталась убедить её, что всё хорошо. Она просто сообщала, каким способом продолжает жить.

У старого водостока они встретили мальчика из красной куртки. Он сидел на корточках и ковырял палочкой трещину в асфальте.

— Ты знаешь, когда здесь был дождь? — спросила Лея.

— Дождь бывает сверху, — ответил он. — Это когда вода падает с неба.

— А ты видел?

Мальчик пожал плечами.

— На стене в школе показывали. Там люди ходили без капюшонов.

Марк тихо хмыкнул. Мальчик поднял голову:

— А что?

— Ничего. Просто хорошая примета, — сказал Марк. — Если люди ходят без капюшонов, значит, дождь настоящий.

Лея записала и это, уже не торопясь. «Ребёнок видел дождь только на школьном видео». Затем перечитала строчку и рядом добавила: «Уточнить возраст и что он считает дождём». Факт не должен был становиться больше, чем был.

— Ты теперь всё будешь уточнять? — спросил Марк, когда мальчик убежал.

— Постараюсь.

— Я раньше тоже всё уточнял. Сколько воды, сколько часов, сколько дней до следующего сброса. Потом заметил, что цифры не меняются, а я всё равно проверяю.

— И перестал?

— В какой-то момент перестал. Не сразу. Сначала перестал верить расписанию. Потом перестал открывать прогноз. Потом перестал смотреть на небо.

Он произнёс это буднично, как будто перечислял этапы ремонта. Но Лея заметила, что пальцы его медленно растирают друг о друга сухую пыль.

— А дождя ты ждёшь? — спросила она.

Марк посмотрел на чашу фонтана. Ветер шевельнул сухой лист, и тот перевернулся, не сдвинувшись с места.

— Нет, — сказал он. — Я перестал ждать дождя.

Лея не ответила сразу. Внутри уже приготовились вопросы: когда именно, почему, что ты чувствовал. Но все они казались слишком быстрыми. Марк не отказывался от неё и не просил утешения. Он просто назвал вещь, которую долго не называл даже себе.

— Я не хотел каждый вечер проверять небо и принимать сухую погоду за личный отказ, — добавил он. — Так легче было вставать утром. Когда перестаёшь ждать, меньше разочарований.

Лея опустила глаза на блокнот. Ей казалось, что внимательность начинается с того, чтобы замечать внешнее: уровень воды, трещину, расписание. Теперь она увидела ещё одно — усилие, с которым человек учится не надеяться, чтобы день не причинял ему лишней боли.

— Ты ведь не перестал замечать, — сказала она.

— Не знаю. Может, просто научился не задерживать взгляд.

Они помолчали. На верхнем этаже кто-то открыл окно, и из него донёсся короткий звон посуды. Во дворе дети снова играли в острова. Девочка в красной куртке перескочила через две трещины и объявила себя победительницей. Ветер поднял пыль, дети зажмурились и засмеялись.

Лея открыла блокнот и на последней странице написала: «Дневник засухи. Сегодня не хватало: воды в фонтане, давления в трубах, открытого крана, тени у площадки. Люди говорили: “обычный сезон”, “период экономии влаги”, “мы приспосабливаемся”. Не записывать эти слова как доказательство безразличия. Спросить, что они помогают пережить».

Она показала запись Марку.

— Хорошо, что ты не написал “люди не замечают”, — сказал он.

— Они замечают. Просто не всегда называют.

— Это разные вещи.

— Да.

Марк потёр ладонью край стола, оставив на дереве тонкую серую полосу.

— Приходи ещё, — сказал он. — Только не обязательно с картами.

— Приду с вопросами.

— Это ещё хуже.

На этот раз они оба засмеялись. Смех вышел коротким, но настоящим. Лея убрала блокнот, и брат проводил её до лестницы. У двери она обняла его снова, крепче, чем в первый раз.

На экране её телефона появилось серое уведомление: «Условия осадочной подписки будут обновлены. Подробности доступны после публикации нового графика». Лея не стала открывать его. Она ещё слышала в голове голос Марка и знала, что сегодня важнее не искать немедленный ответ, а не унести с собой его слова как очередную цифру.

Выйдя во двор, она остановилась у пустого фонтана. Раньше сухая чаша казалась ей просто частью знакомого пейзажа. Теперь в ней уместились и след воды на камне, и детская игра, и чужие способы не ждать. Лея записала время, ветер и слова, которыми его называли.

Потом подняла голову к узкой полосе неба между домами. Она не стала просить у него дождя. Пока ей нужно было научиться смотреть достаточно долго, чтобы не перепутать привычное с неизбежным.

Уведомление о прекращении осадков

Утром общественное табло на остановке мигнуло, погасло и включилось снова.

Лея как раз убирала телефон в карман. На экране осталась та самая серая полоска, которую она не открыла накануне. Теперь сообщение проступило и здесь, над расписанием автобусов, крупными буквами:

«ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ОСАДОЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ. До обновления муниципального графика: 72 часа».

Под заголовком мелко, почти стыдливо:

«Бесплатные общественные дождевые окна прекращаются в пятницу в 06:00. Действующие платные подписки сохраняются. Новые тарифы вступают в силу одновременно с обновлением графика. Рекомендуем продлить пакет заблаговременно».

Внизу светилась синяя кнопка: «Подобрать выгодный тариф».

Лея прочитала уведомление дважды. Потом посмотрела на людей вокруг. Никто не кричал, не хватался за голову, не бросался к телефону за помощью. Женщина с бумажным пакетом пересчитала дни и сказала спутнице:

— Значит, на субботу стирку не ставим. Там у нас как раз окно.

Мужчина в рабочей куртке нахмурился:

— А я машину записал на пятницу. Если платный пакет брать, то какой?

Подросток уже нажимал кнопку на табло. Экран выдал три тарифа с нарядными каплями: «Личный», «Семейный» и «Комфорт плюс». Возле последнего вращалось облачко. Внизу шла приписка: «Погодный результат зависит от доступности атмосферной влаги».

— Ну вот, — сказал подросток. — Надо брать сейчас, потом дороже будет.

Кто-то спросил, не перенесут ли дождь на четверг. Кто-то ответил, что в прошлом месяце уже переносили. Разговоры цеплялись за ближайшие планы: стирка, машина, пятничный рынок. Будто объявили не об изменении для целого города, а о неудобстве в общем календаре.

Лея почувствовала, как поднимается тревога. Она почти сказала: «Вы понимаете, что это значит?» Но не сказала. Пока она не знала, что именно это значит.

«Сначала проверить», — произнесла она про себя, и эта фраза прозвучала не как мудрость, а как поручение, которое нельзя отложить.

Она достала телефон и открыла серое уведомление. Ссылка вела на сайт городской службы осадков. Адрес совпадал с тем, что был указан на квитанциях, но Лея не стала нажимать на первую ссылку из сообщения. Она сама набрала официальный адрес, нашла раздел «Изменения графика» и сверила текст. Под объявлением стояла цифровая подпись службы и время публикации: 07:02.

Потом она проверила страницу городского водоканала. Там отдельным сообщением говорилось, что тарифы на питьевую воду и график подачи не меняются. Это не отменяло проблемы, но отделяло одну проблему от другой. По крайней мере, пока.

На экране оставалось 71:38.

Лея открыла раздел вопросов и ответов. Формулировки были ясными ровно настолько, чтобы не ответить ни на один человеческий вопрос.

«Общественное дождевое окно — плановая подача осадков в городской контур, предназначенная для пополнения районных накопителей, увлажнения открытых пространств и поддержания микроклимата».

«В случае отсутствия активной подписки услуги могут не предоставляться».

«Муниципальные бесплатные окна прекращаются полностью».

Ниже — таблица тарифов. Семейный пакет подорожает на восемнадцать процентов. «Комфорт плюс» позволял выбрать район и час, но не гарантировал «заданную интенсивность осадков». Дождь, судя по всему, теперь тоже требовал гибкого подхода к ожиданиям.

Лея нажала кнопку официальной поддержки. Сначала ответил голосовой помощник, который предложил «сформулировать запрос в свободной форме». Она сказала:

— Подтвердите точное время прекращения бесплатных общественных осадков.

— Вы спрашиваете о доступности платных осадочных подписок?

— Нет. Я спрашиваю, когда прекращается бесплатное муниципальное дождевое окно.

Пауза. Затем голос сообщил, что оператор подключится в течение семи минут.

Семь минут оказались длинными. В это время мужчина с остановки купил «Резервный пакет облачности». На экране его телефона мелькнуло подтверждение оплаты, и он облегчённо выдохнул, словно только что запер дверь перед непогодой.

— Берёте? — спросил он Лею.

— Пока нет.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— А что тянуть? В пятницу отключат.

— Я пытаюсь понять, что именно отключат.

Он пожал плечами, как будто это была причуда человека, который изучает правила пожарной эвакуации, стоя рядом с огнём.

Оператор представился Ильёй. Лея попросила повторить формулировку и уточнила, одинаково ли она действует для всех районов.

— Да, общественные бесплатные окна прекращаются в пятницу в шесть утра, — ответил он. — Индивидуальные подписки продолжают работать по действующим условиям, после обновления тарифов. Дождевые накопители в жилых домах останутся доступными до расходования текущих запасов.

— А если в доме общий накопитель?

— Его состояние нужно уточнить у управляющей организации.

— То есть после пятницы новые осадки туда не поступят, если район не оплатит подписку?

— Доступность зависит от активного заказа и технических условий.

— Это «да»?

Оператор помолчал.

— Это означает, что муниципальный график больше не предусматривает бесплатную подачу в общественные контуры.

Лея записала точную фразу. Не «город останется без воды». Не «все дождевые системы отключат». Бесплатные общественные окна прекращаются в пятницу в шесть. Платные подписки сохраняются. Районные накопители будут расходовать то, что в них уже есть. Остальное нужно выяснить.

Она закрыла звонок и заметила, что пальцы дрожат. Ей хотелось написать Марку: «Всё, конец, через трое суток дождя не будет». Хотелось одним сообщением превратить неопределённость в простую страшную картину. Тогда хотя бы знала бы, чего боится.

Вместо этого она набрала: «Проверила объявление. Бесплатные общественные окна прекращаются в пятницу в 06:00. Платные сохраняются, тарифы вырастут на 18%. Состояние наших накопителей не знаю. Ты можешь поговорить?»

Марк ответил через минуту:

«У крыши. Приходи».

Он стоял у подъезда на складной стремянке, проверяя желоб над входом. Вчерашний сухой фонтан оставался у Леи в голове; теперь к нему добавились желоба, бочки и насосы, которые она прежде замечала только тогда, когда они ломались.

Марк спустился и вытер руки о штаны.

— Значит, объявили, — сказал он.

— Ты уже видел?

— Утром. Сосед прислал тарифы. Там написано, что «общественное увлажнение будет оптимизировано».

— Красиво.

— Я бы даже сказал, утешительно. Если не знать, что оптимизация обычно начинается с того, что кому-нибудь перестают привозить то, без чего он не может.

Лея рассказала ему о звонке, о точном времени, о водоканале. Марк слушал молча. Когда она закончила, он посмотрел на табло у остановки, видное между домами.

— Я не удивлён, — сказал он. — Только не знал, когда именно. Люди привыкли, что окно появляется само. В назначенный день над крышами вспыхивает синяя сетка, через час вода идёт по желобам. Никому не нужно договариваться, проверять, кому достанется, кто принесёт пустые канистры. Сервис думал за всех. Теперь он перестанет.

— А мы?

— А мы долго считали, что не думать — то же самое, что быть обеспеченными.

Лея вспомнила, как Марк говорил накануне, что больше не ждёт дождя. Тогда эта фраза показалась ей почти спокойной. Теперь она поняла: иногда человек перестаёт ждать не потому, что научился обходиться без надежды, а потому что надежду слишком дорого поддерживать.

— Нужно узнать, сколько воды в накопителе, — сказала она. — И кому она нужна в первую очередь.

— Да. Но не устраивай объявление о конце света. У нас пока никто не знает, сколько там воды.

Лея кивнула. Он не отговаривал её действовать. Он напоминал, что действие не обязано начинаться с уверенного голоса.

На лестничной площадке они нашли управляющего домом, господина Кима, который пытался дозвониться до службы обслуживания. Он не смог получить данные о накопителе: система обещала обновить показатель «после синхронизации». Тогда Марк предложил проверить резервный датчик в подвале. Тот показывал меньше половины, но предупреждал, что возможна погрешность.

— Это не точная цифра, — сказал Марк.

Лея записала: «Датчик показывает меньше половины. Погрешность не уточнена». Не «воды хватит на неделю», не «всё пусто». Просто то, что было известно.

Они прошли по двору. Соседка с первого этажа, госпожа Нур, поливала рассаду из узкой лейки.

— В пятницу осадков не будет? — спросила она, увидев их.

— Бесплатного общественного окна не будет, — ответила Лея. — Это подтверждено. Про ваши личные планы я пока ничего не знаю.

— У меня подписка закончилась месяц назад. Я думала, что её автоматически продлят. Госпожа Нур сжала лейку. На её рукаве темнело мокрое пятно.

— А растения?

— Давайте сначала выясним, сколько воды есть в общей цистерне и сколько у кого осталось. Тогда не придётся гадать.

Это не было утешением. Но госпожа Нур перестала поливать и согласилась проверить уровень в своей бочке.

По пути обратно Лея заметила, как быстро новости обрастают лишним. У почтовых ящиков кто-то говорил, что в соседнем районе уже перекрыли трубы. Другой уверял, что тарифы вырастут вдвое. Подросток с остановки утверждал, что платные пакеты тоже отключат, если не купить их сегодня.

Каждый слух был похож на уже знакомый страх, только надетый на чужую фразу.

Лея достала блокнот. Ей нужно было не спорить со всеми сразу, а отделить проверенное от того, что только звучало убедительно.

В квартире она выдвинула нижний ящик стола и нашла широкую упаковочную бумагу. Разлиновала её линейкой на три столбца. Заголовки написала крупно, чтобы их можно было прочесть с лестницы:

«ЧТО ИЗВЕСТНО»

«ЧТО ПРЕДПОЛАГАЕМ»

«ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ»

В первый столбец попали только подтверждённые факты. Бесплатные общественные дождевые окна прекращаются в пятницу в 06:00. Платные подписки продолжаются. Их стоимость вырастет на восемнадцать процентов. Водоканал не меняет график питьевой воды. Общий датчик показывает меньше половины, но может ошибаться.

Во второй столбец Лея записала: возможно, после расходования текущего запаса общественная цистерна не пополнится; возможно, не все жильцы знают, как работают личные подписки; невозможно пока назвать точный срок, на который хватит воды.

Она остановилась над последней строкой. Хотелось написать: «Возможно, будет хуже, чем говорят». Она не написала. Это было не предположение, а тревога, переодетая в информацию.

В третий столбец внесла: проверить датчик вручную; узнать у соседей, кому нужна помощь с водой; не запасать питьевую воду без необходимости; проверить фильтры и ёмкости; собраться сегодня в 19:00 у входа и обсудить состояние общего накопителя.

Она перечитала список. Он выглядел скромно рядом с огромным объявлением на городском табло. В нём не было кнопки, которая возвращала бы дождь. Не было обещания, что все успеют договориться. Но каждый пункт можно было выполнить до вечера.

Лея сфотографировала таблицу и отправила Марку.

«Нормально?» — спросила она.

«Да. Только добавь: не пересылать непроверенные сообщения. И напиши, что встреча для всех, без обязательной оплаты».

Она добавила обе строки. Потом подумала, не поставить ли рядом с таблицей список жильцов, у которых нет платной подписки. Список мог помочь распределить помощь. Он же мог превратиться в список тех, кого легче оставить без неё.

Лея оставила места для имён пустыми. Вместо этого написала: «Если вам трудно самостоятельно принести воду или разобраться с накопителем, сообщите лично Марку или Лее». Это было менее удобно для подсчётов, зато не превращало чужую уязвимость в объявление на весь подъезд.

К вечеру цифры на экране стали вести себя как часы обратного отсчёта. До прекращения окон оставалось 62 часа. Город продолжал жить обычным лицом: трамваи тормозили у остановок, курьеры несли пакеты, рекламные облака мягко проплывали над торговым центром. Но на каждом углу табло предлагало «успеть зафиксировать прежнюю цену». Успеть купить дождь. Успеть не остаться среди тех, кто надеялся на общее.

Лея прикрепила таблицу к двери дома полосками малярной ленты. Бумага немного выгнулась от сквозняка. Она расправила угол ладонью и отошла на шаг.

Внизу под таблицей крупно добавила:

«Встреча жильцов сегодня, 19:00. Не нужно ничего покупать, чтобы прийти».

Первой остановилась женщина с пятого этажа. Она прочитала объявление, задержалась на строке про водоканал и спросила:

— То есть воду из крана не отключат?

— По официальной информации, график питьевой воды не меняется.

— А в групповой переписке пишут, что её уже нормируют.

— Там нет подтверждения. Если появится сообщение от водоканала, добавлю сюда.

Женщина перечитала таблицу.

— Хорошо. Я приду. У меня мама после операции, ей тяжело спускаться.

Лея вписала не имя, а действие: «Уточнить, нужна ли помощь с доставкой». Женщина поблагодарила её и ушла медленнее, чем пришла.

Потом появился господин Ким. Он принес распечатку с показаниями резервного датчика и согласился ещё раз спуститься в подвал вместе с Марком. Снизу поднялся мальчик с велосипедом, посмотрел на объявление и спросил, правда ли, что в пятницу не будет дождя вообще.

— Бесплатного общественного окна не будет, — сказала Лея. — Другого пока никто не подтверждал.

— А если просто облако придёт?

— Тогда дождь может быть. Но мы сейчас говорим не о случайном облаке, а о городском графике.

Мальчик кивнул так серьёзно, словно получил задачу на завтра, и покатил велосипед во двор.

Встреча в семь обещала быть маленькой. Возможно, придут трое. Возможно, никто. Лея всё ещё боялась, что её сочтут паникёршей, а таблицу — попыткой распоряжаться чужой жизнью. В ней не было привычного объяснения, почему она имеет право собирать людей. Было только то, что она проверила сообщение, не перепутала факты со страхом и нашла несколько дел, которые можно было выполнить сегодня.

Этого оказалось достаточно, чтобы сделать следующий шаг. Не весь путь, не решение за квартал. Только шаг.

Лея взяла блокнот и пошла по лестнице. На первом этаже постучала к госпоже Нур, чтобы сообщить о встрече. Та открыла не сразу, но в дверной щели показалась её рука с маленьким блокнотом.

— Я записала, сколько воды осталось в бочке, — сказала соседка. — И ещё у меня есть два чистых фильтра. Не знаю, подойдут ли они к общей системе.

— Проверим вместе.

Следующей была дверь жильца, который каждый месяц покупал самый дорогой пакет и никогда не здоровался. Лея остановилась перед ней. Слова, которые она приготовила, вдруг показались слишком большими: «У нас кризис», «Нам надо объединиться», «Вы должны». Она перечеркнула их в уме.

Вместо этого подняла руку и постучала.

За дверью послышались шаги. Лея посмотрела на блокнот, где в трёх колонках были рядом факты, предположения и дела на сегодня. Потом постучала ещё раз, уже увереннее.

Нижний квартал без облаков

Замок щёлкнул. Дверь открылась ровно настолько, чтобы в щели показалось лицо мужчины в домашних очках.

— Если вы по поводу воды, — сказал он, — у меня сегодня всё оплачено.

Лея опустила блокнот.

— Мы не проверяем, кто сколько заплатил. Я пришла сообщить о встрече жильцов и спросить, есть ли у вас сведения о вчерашнем отключении.

Мужчина посмотрел на неё, потом на блокнот. На полке за его плечом горел экран с графиком дождевых начислений. Зелёные столбики поднимались к верхней границе.

— Вчерашнего отключения не было. Просто контур отработал ниже плана, — сказал он. — У меня в приложении написано: «осадки выполнены частично». Это у них теперь так называется, когда дождя меньше, чем обещали.

Он представился Павлом Нериным. Двадцать лет работал диспетчером городской водосети, теперь жил один и покупал расширенный пакет, потому что не хотел каждый месяц гадать, хватит ли воды на лекарства, стирку и старый лимонный куст на балконе. Он не стал приглашать Лею внутрь, но принёс распечатку с графиком районных осадков.

— Только не пишите, будто я жалуюсь на дождь, — предупредил он. — Я жалуюсь на то, что в приложении одно, а за окном другое.

Лея спросила, можно ли записать его слова и приложить распечатку к общей карте. Павел подумал и кивнул.

В графике были видны два ряда. Верхний город получил дождь в течение четырнадцати минут. Нижний квартал значился как «зона ожидания». В примечании стояла пометка: «Условия доставки не достигнуты».

— Вот это что означает? — спросила Лея.

Павел поправил очки.

— Официально? Что система не обнаружила нужных условий. Неофициально? Что за решение отвечает уже не один диспетчер. Датчики передают показания, платёжные зоны задают приоритеты, алгоритм считает, куда направить облачный контур и где открыть накопительные каналы. А если датчик врёт или шлюз не отвечает, на экране всё равно появляется аккуратная фраза.

Он вернул распечатку Лее.

— Я не знаю, что именно случилось вчера. Но если вы соберёте факты, я посмотрю на них. Не раньше.

Это было не обещание помощи и не отказ. Лея внесла в блокнот: «Павел Нерин. Архивный график. Согласие на использование распечатки». Потом подчеркнула дату и время файла.

Утром она встретилась с Марком у остановки, где заканчивалась линия городской трамвайной сети. Дальше дорога шла вниз между стенами старых домов, за которыми начинался Нижний квартал. С ними была Ида, ремонтница городских водосборных систем. Она несла сумку с гаечными ключами, моток проволоки и плоскую коробку, похожую на футляр для музыкального инструмента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.